

9 кружок 73

ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ

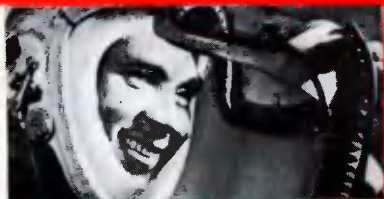
Заслуженный летчик-испытатель СССР, человек, который летал быстрее и выше всех в мире, Г. К. Мосолов хорошо знает истинную цену человеческого поведения в критических обстоятельствах. Много лет, поднимаясь в воздух, он испытывал не только самолеты, но каждый раз и свое мастерство, волю, решимость, находчивость — себя. Даже после катастрофы, дважды вырванный медиками у смерти, Мосолов продолжал работать там, где учат летать новейшие машины...

— Что же такое героический поступок? Мгновенное напряжение сил, вызванное необходимостью? Или то, к чему человек идет всю жизнь?

Разговор с Георгием Константиновичем начался, как говорят, без разгона.

МЕСТО ПОДВИГУ

Георгий МОСОЛОВ,
Герой Советского Союза

Подвиг... Мы часто слышим это слово, читаем в прессе. И, признаться, меня беспокоит, не обесцениваем ли мы его, называя подчас подвигом поступки довольно обыкновенные, не стоящие в ряду исключительных. Надо бережно относиться к этому слову: в нашей жизни хватает и подлинно героических поступков. Еще А. М. Горький отмечал, что в Советской стране подвиги чести, доблести, геройства совершаются так часто, что не обо всех упоминается в печати.

Жизнь трудно уложить в простую и безопасную схему. Нет-нет да и возникают ситуации, требующие от человека высшего напряжения нравственных сил. Продолжение на стр. 5 ▼

РУССКИЙ ЯЗЫК

Быстрый рост межнациональных связей и сотрудничества ведет к повышению значения русского языка, который стал языком взаимного общения всех наций и народностей Советского Союза. И всех нас, товарищи, конечно, радует, что русский язык стал одним из общепризнанных мировых языков!

Л. И. БРЕЖНЕВ

Его воспевали древние Бояны, славу ему возглашали Ломоносов и Державин, с восхищением говорили о нем Пушкин и Гоголь, Горький и Маяковский. Великим, могучим, правдивым и свободным назвал его Тургенев. Для народов мира сейчас русский язык — это язык Октября и великого Ленина, язык коммунизма и мира. «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин». Эти слова Владимира Маяковского стали крылатыми.

Русский язык — это язык передовой науки и революционной общественной мысли, язык советской социалистической культуры. Изучая русский язык, миллионы людей во всех странах не только знакомятся с нашими достижениями в экономической, социально-политической и культурной жизни, но и воочию убеждаются в торжестве ленинской национальной политики.

В нашей стране насчитывается около 130 языков, из которых более 70 имеют свою письменность и существуют как литературные (из них более 40 получили письменность в советское время). Государство обеспечивает свободное и равноправное развитие всех языков СССР. И в этих условиях русский язык получает у нас все большее распространение.

МИР НАРОДАМ! ЗЕМЛЯ

По данным переписи 1970 года, из общего числа в 242 миллиона человек русские составляли 129 миллионов. В то же время в качестве родного русский язык назвали 141,8 миллиона (т. е. около 13 миллионов представителей других национальностей); 42 миллиона человек назвали русский вторым родным языком. Таким образом, около 184 миллионов, или более трех четвертей населения, свободно владеют русским языком.

Передовые ученые и писатели, общественные деятели различных национальностей России, хорошо понимая реакционную сущность колониальной политики паризма, вместе с тем видели в русской науке и культуре, в русском языке могучий источник духовного развития своих народов. Достаточно напомнить, например, имена Ивана Франко, Абая Кунабаева, Чокана Валиханова, Мирзы Ахундова, Ильи Чавчавадзе, Салрилдина Айни... «В России», — писал Ованес Туманян, — мы находимся среди одного из лучших народов мира и под влиянием одной из лучших литературы».

Русский язык не только обогащал в процессе длительного взаимодействия и взаимовлияния другие языки народов СССР, но и сам почерпнул и продолжает черпать из них много ценного в процессе дальнейшей консолидации советского народа — новой исторической общности людей.

В строгом соответствии с ленинскими принципами национальной политики в нашей стране законодательным путем закреплена свобода выбора языка обучения. При обсуждении Основ законодательства о народном образовании на недавней сессии Верховного Совета СССР подчеркивалось, что растущее внимание в национальных республиках к изучению русского

языка «отвечает объективным потребностям всех наций и народностей нашей страны, является вполне закономерным и заслуживает всяческой поддержки».

Защита и охрана природных богатств и ресурсов стали у нас общегосударственным делом. Может быть, язык не нуждается в таком же бережном и хозяйственном подходе? Ответ на этот вопрос ясен каждому: язык наш необходимо беречь. «По отношению каждого человека к своему языку, — писал Константин Паустовский, — можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и о гражданской ценности. Истинная любовь к своей стране немислима без любви к своему языку».

Обновляясь и совершенствуясь во времени, русский язык советской эпохи обслуживает многосторонние нужды все новых и новых поколений говорящих и пишущих, но при этом в основе своей остается национальным языком и сохраняет постоянную животворную связь с народными речевыми истоками.

Поэтому одно из главных достоинств его — это сложность и многообразие системы выразительных средств. Язык — инструмент наших мыслей и чувств. От его верной и точной «настройке» многое зависит. Не случайно именно к молодым литераторам России обращал Тургенев свой страстный призыв беречь русский язык.

Всякое небрежение в области языка оборачивается неминуемыми потерями в стилистической системе, которая складывается веками. «Всякое неуместное со стилистической точки зрения употребление слов разрушает стилистическую структуру языка», — писал академик Л. В. Щерба, — а язык с разрушенной структурой то же, что совершенно расстроенный музыкаль-

ный инструмент, с той только разницей, что инструмент можно немедленно настроить, а стилистическая структура языка создается веками...»

Уже в первые, трудные для молодого пролетарского государства годы Владимир Ильич Ленин остро ставит вопрос о подъеме языковой культуры трудящихся масс. Он лично работает о создании краткого словаря литературного языка учебного типа и пишет известную записку «Об очистке русского языка». С горечью говорит он о порче письменной и устной речи, о злоупотреблении иностранными словами и призывает «объявить войну коверканью русского языка».

Заботливый и бескомпромиссный ленинский подход к нуждам языка служит образцом для всех, кому дорог русский язык.

Для наших лучших писателей и ученых простое «культивирование» языка никогда не было, да и не могло быть самоцелью. «Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры», — говорил Горький. То есть подъем культуры языка неотделим от общего подъема культуры народа, приумножения его национальных духовных богатств. Забота о культуре русской речи, ее литературности и чистоте становится у нас задачей большого значения.

Языковое богатство — народное сокровище и достояние, наследие наших отцов и дедов. От отношения к этому наследию каждого из нас во многом зависит настоящее и будущее нашей советской социалистической культуры.

Л. СКВОРЦОВ,
кандидат филологических наук,
зав. сектором культуры
русской речи Института
русского языка АН СССР

ПЯТИЛЕТКА: ГОДЫ И МИНУТЫ

Словно гигантское сердце колотится в гулком пространстве кузнечно-прессового цеха. Разговаривать здесь трудно.

Но вот вы ставите на проигрыватель вторую звуковую страницу нашего журнала — и слышится сквозь рабочий грохот голос ветерана-уралмашевца Тимофея Лукьяновича Олейникова: «Кузнец не откует — машину не соберешь, одно слово, мы — кузнецы!»

...Возникает в памяти совсем иная кузница: раздуваются и опадают кожаные легкие мехов, вскипает в горне пламя, и выводит древнюю мелодию слаженная двухголосица — позванивает на тускнеющем золоте поковки молоток мастера, и молотобоец, ухая, роняет в точно обозначенное место глыбу молота...

В такой вот крохотной уральской кузне и постигал рабочую профессию парень из кустанайского села Святогорка Тимофей Олейников.

А после еще три с лишком десятка лет стоял у пневматического молота на огромном, оснащенном первоклассной автоматикой машиностроительном гиганте.

Олейников-старший, Лукьян, приехал на Уралмаш, когда завода еще и не было — строился только. Приехал с женатыми уже сыновьями Дмитрием и Тимофеем, которые прежде батрачили у святогорских кулаков, и сразу же ощутил, что очень

ЛИЦОМ

пригодится встающему на ноги заводу их крестьянская ухватка: новое надо начинать обстоятельно, навсерьняка, как начинают пахоту или жатву.

В Красную Армию Тимофей уносил ответ горна и истину, подаренную ему учителем, старым кузнецом Поруновым: «Нет дела — нет человека».

Много лет затем передавал эту истину Тимофей Лукьянович Олейников дальше по цепочке, подтверждая ее всей своей жизнью.

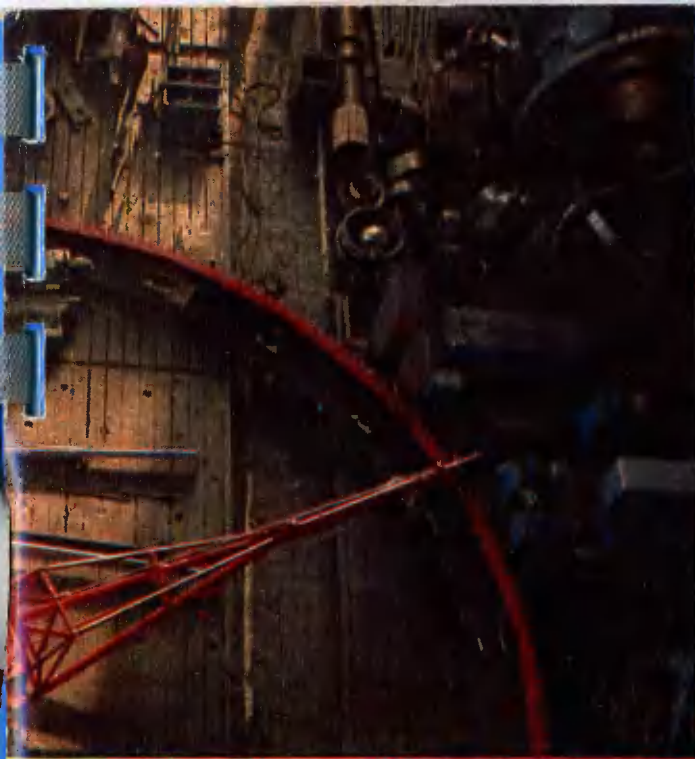
Пришел срок — вернулся из армии на Уралмаш. В сороковом, накануне битвы с фашизмом, вступил в партию.

Первый орден коммунист Олейников получил за ударный труд в войну.

Потом, когда ушли в воспоминания непрерывные, по двенадцать часов, смены, стало возможным подумать о том, как облегчить труд кузнеца. Поворотчай-ка сорокакилограммовой вагой, не спуская глаз и с поковки и с верхнего бойка молота... Провели однажды в бригаде сутки врачи. После смены доложили: пять килограммов двести граммов оставил Тимофей Олейников в цехе, от двух до четырех килограммов — подручные.

Такая, выходит, цена легкости, с которой кусок раскаленного металла готовится стать нужной деталью. И вот сменила вагу «механическая рука»: машинист в ответ на знак кузнеца простым нажатием рычага поворачивает поковку на сантиметр,

на миллиметр — ровно на столько, на сколько надо. Просто и удобно. Но знает Тимофей Лукьянович, сколько бессонных ночей провел над чертежами начальник цеха Павел Георгиевич Левандовский, сам бывший кузнец, прежде чем появился у них в кузнечно-прессовом манипулятор.

Человека создаст, формирует дело, которое он себе выбрал и которому служит. Но ведь и дела настоящего нет, коль нет человека! Так учителя истина была заново прочитана Тимофеем Олейниковым, женой его Александрой Александровной.

...Вспоминаются дни почти двадцатилетней давности. Идут испытания «механической руки». Пристально глядит Тимофей Лукьянович, хочет понять, так ли уж хороша новая машина. Оглянувшись — стоит за спиной жена, тоже смотрит.

— Что, Шура, — крикнул, чтобы услышала в грохоте, — спустилась с неба на землю?

Под самым потолком сиротливо чернели стекла в кабине крановщицы.

— Перекур у меня, — крикнула жена, улыбаясь, и непонятно было, шутит она или говорит серьезно.

Стала вскоре Шура Олейникова первой женщиной-машинистом на манипуляторе.

Теперь, когда ушел Тимофей Лукьянович по возрасту с молота и работает на сдаче продукции, которую выпускают его ученики, орудует у молота отличный кузнец, партгрупорг

КОГНЮ

Даниил Калинин и сидит в кресле манипулятора жена Даниила...

Естественны перемены в кузнечном труде на Уралмаше, но их не могло быть без умения кузнеца задуматься о том, каково его место в общем производстве. О том, как сделать твою сегодняшнюю победу завтрашней нормой для всех.

О. ФОКИН
г. Свердловск

Сумел примерить мысленно фартук кузнеца, сумел задуматься о горячей профессии свердловский экономист Александр Дольский, потому что услышал в ударах молота биение человеческого пульса.

В двух его песнях об Уралмаше, публикуемых «Кругозором», — на второй звуковой странице молодой голос завода, прожившего первое свое сорокалетие.

Неделя, месяц, другой — и поплывет над ущельем песчаного карьера, над угольным или рудным разрезом стонетровый «журавль» шагающего экскаватора. Уралмашевцы заканчивают монтаж поворотного круга гигантской машины. А еще раньше, в самом начале, был кузнечно-прессовый цех — брызги окалины, плющились под бойком молота завтрашняя деталь экскаватора. Вот они, гвардейцы Уралмаша: старый кузнец Тимофей Олейников, ученики его — машинисты, кузнецы, подручные...

Фото Б. Вахнюка и Г. Копосова

Петр ВЕГИН

В этом доме на меня гадают,
золотою головой качают
над моей запутанной судьбой.
Трефы черным снегом выпадают,
а по снегу снегири гуляют —
туз бубновый с лямой молодой.
(«Боже мой, любимый, боже мой!...»)

Вот и выпал я — король нелепый,
не побитый, но и не победный.
Двуедин червонный облик мой:
сумма Дон Кихота с Дон Жуаном,
рыцарства — с наигранным обманом.

(«Боже мой, любимый, боже мой!...»)

Ветряные мельницы, постойте!
Ветреные женщины, постойте!
Ничего нет общего с молвой!
Что со мной ты сделала, свобода —
треснула, страшнее ледохода,
твердь земная нынче подо мной!

(«Боже мой, любимый, боже мой!...»)

Ах, какая вышла непогода!..
Не предайте смеху Дон Кихота —
он бежит, скользя, по мостовой,
но помочь не может Дон Жуану
Донну Анну встретить, Донну Анну.
(И в колоде карты нет такой).
(«Боже мой, любимый, боже мой!...»)

ПОВОРОТ СКРИПИЧНОГО КЛЮЧА

Ключ скрипичный — тайный знак
божества, блаженства, блажи...
Никаких замочных скважин!
Никаких?

Как бы не так!
Ларчик прост. Душа — сложна.
Не бренчи отмычкой.
Отпирается душа,
если ключ — скрипичный.

Человечество такое,
что зависимо порой
от «Девятой» Шостаковича
и частушки озорной!
А в природе —

лишь коричнев,
падая, спираль совет,
словно этот ключ скрипичный
сделал новый оборот.
Безголосе все в лесах,
только в памяти серебрян
соловья скрипичный знак
в нотных зарослях сирени.
Понимая все, что с нами,
милосердия полна,
утешительницей-намой
людям музыка дана.
И на что бы ты годилась,
жизнь, без скрипки у плеча?
Что куприновский Гамбринус
без скрипичного ключа?
Ключ скрипичный. Поворот.
Недуг к недугу уходит.
Женщина моя приходит.
Мука. Музыка. Полет.

Геннадий БУБНОВ

О полуночи. Снова
за верстою верста...
Дремлет шапка отцова,
спит звезда у виска.
В поле — пусто и грустно
И запомнишь навек,
что прекрасен до хруста
под копытами снег.
Я мороз расцелую,
расщедрю старика:
на скрипучую сбрую
бросит горсть серебра.
Погоняет лошадку
то любовно,
то зло.

Покидает перчатку
чуть живое тепло.
На лету замерзает
у щеки —

лишь дыхни!

Вот вдали замерзают
деревушки огни.
Греет мысль о ночлеге.
Выгнут месяц дугой...
Я в двадцатом ли веке
возвращаюсь домой?

ОСЕНЬ

...И близко было до зимы,
как будто до свершения чуда.
Уже к дыханию земли
ветра прислушивались чутко.
Уже в саду светло и стыло,
и сок у яблонь тяжелей.
Уже по лету плакать стыдно —
и две недели нет дождей.
Уже рябиною прогоркли
лесные тропы.
Боль грачей
качалась в воспаленном горле
сырых задумчивых ночей.
Уже у дальних вод с утра
гусыни зябкие кричали...
Стояла чудная пора
чужих разлук,

чужой печали.

Рисунки К. Борисова

И когда проверяется предел человеческой прочности, мера мужества, способность выстоять до конца, всегда находится человек или группа людей, готовых на это. Наш строй, советский образ жизни воспитывает с детства эту «готовность номер один». Смеем утверждать: подвиг под силу только дисциплинированному человеку, способному подчинить свои чувства целенаправленным действиям даже в условиях опасности для жизни. И эта самодисциплина — продукт воспитания чувств, высшее проявление сознания.

Удостоверение Верховного Совета СССР
О награждении Мерзлова А. А.
орденом «Знак Почета»
За отвагу и мужество, проявленные при спасении народного добра, награждать именной грамотой и орденом «Знак Почета» Александра Мерзлова (посмертно).
Председатель Верховного Совета СССР И. ВОДОРТЫН.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР И. ТЕОТЛАДЗЕ.
Москва, Кремль, 12 декабря 1973 г.

Анатолий Мерзлов

Хотя стремление к совершению героических поступков особенно свойственно молодежи, подвиг не привилегия возраста. «Людей не следует делить на молодых и старых», — считает герой одного из фильмов В. Жалаквичуса. — Важно понять: Солдат он или не Солдат. Гражданин или не Гражданин».

Люди, о которых мы сегодня говорим, независимо от возраста оказались Солдатами, Гражданами.

Я слушаю звучащие свидетельства мужества восемнадцатилетнего паренька Анатолия Мерзлова, двадцатилетнего курсанта Николая Осипова и сорокалетнего целинника Леонида Картаузова и ловлю себя на мысли: уже когда-то я слышал похожий рассказ, был свидетелем подобного.

Трудно, конечно, колхозному бригадир-у Николаю Барковскому вспоминать о Толе Мерзлове, который, страдая от ожогов, оставался мужественным. Мне довелось видеть двадцать лет назад то же самое, когда мы вынули из кабины пылающего самолета летчика-испытателя, моего друга. У них общая с Мерзловым судь-

ба. Летчик, с которого мы снимали расплавляющийся капроновый комбинезон, лежал на земле, истекая кровью. И зная, что ему остались считанные минуты, спешил, преодолевая боль, сказать нам только о том, что случилось с самолетом. Это был Герой Советского Союза коммунист майор Владимир Нефедов.

Комсомолец Анатолий Мерзлов только еще собирался служить в Советской Армии. Но я вижу в его поступке солдатский характер, ставящий юношу в одну цепь с фронтовиками. И вижу его — готового не только первым броситься в огонь ради спасения народного добра, но и, при других обстоятельствах, готового первым подняться в атаку.

Вспоминается еще один фильм — «Балтийское небо». Там боевой летчик, узнав, что его погибшего друга представили к званию Героя, зло говорит: «А зачем ему эта награда? Ему уже все равно». «А вам? — спрашивает его командир. — Вам все равно, оценен ли по достоинству подвиг вашего друга?»

Леонид Картаузов

Подвиг и его осмысление, оценка зовут к подражанию. Каждый день по улице имени Николая Осипова идут на работу и с работы горняки Прокопьевска. Отсюда, из дома №39 недавно проводили в армию Виктора Осипова. «Я поступлю в то же училище, где был брат», — сказал он, — и тоже стану летчиком».

В группе имени Анатолия Мерзлова Михайловского профтехучилища учатся будущие механизаторы сельского хозяйства, среди них — брат Мерзлова, Слава. И мерят трудолюбиво поля Рязанщины тракторы с табличками «Колонна имени Анатолия Мерзлова» — машины, сделанные комсомольцами Минского тракторного завода на средства, собранные молодыми москвичами...

Оценивая поступки, мы всегда смотрим на их истоки. Смелость, как психологическое качество характера, может быть весьма различной. Смелость юноши, прыгающего за доллары с высокой скалы в океан под снисходительные хлопки сытых туристов, — и смелость летчика, уходящего в испытательный полет. Смелость гангстера, уносящего миллион долларов из банка, — и смелость шахтера Титова, спасающего шахту от взрыва. Да разве можно все это сравнивать?!

Я очень хорошо знаю Героя Социалистического Труда Николая Алексеевича Феноменова (о нем рассказывалось в предыдущем номере «Кругозора»). От этого удивительного человека, настоящего коммуниста всегда веет уверенностью, добротой, твердостью убеждений. Какое величие духа надо было ему проявить, чтобы, жестоко изувеченному войной, снова научиться работать слесарем и вернуться в родной Метрострой! Или другая биография человека, похожей судьбы, — Леонида Михайловича Картаузова. Тоже Героя Социалистического Труда, тракториста на целине. Или поступок курсанта летного училища Николая Осипова. Магнитная лента сохранила все напряжение восьмидесятисекундного поединка курсанта с выпешей из повиновения машиной, но так и не покинувшего ее...

Впрочем, послушайте документальные записи на звучащем диске и подумайте о том, что же совершили эти люди.

Николай Осипов

Продолжение
этого разговора
о мужестве, о подвиге —
на первой звуковой странице,
подготовленной
специальным корреспондентом
«Кругозора»
Валентином Манионом.

*Берегите, храните,
как зеницу ока, земля...*

В. И. ЛЕНИН

ПРИРОДА И МЫ

— Вы ездили когда-нибудь в шарабане?
— с улыбкой спросил Ливерий Афанасьевич Алферов.

Признаться, я ожидал увидеть автомобиль-вездеход: в лесу было сыrovато, и такое предложение меня обезоружило.

— Если нет, пойдёмте, я покажу вам наш конный транспорт. На другом в лесу не проедешь.

Миновав огромную скульптуру зубра, мы вошли в конный «гараж». Шарабан стоял на обтянутых резиной колесах, узкое сиденье — для двоих.

Алферов тронул вожжи, и мы покатили. Я много раз бывал в лесу, но сейчас чуткие уши лошади впереди, позвякивание сбруи, переплески зеленых ветвей

над головой вносили исключительность в экскурсию.

Всматриваясь в чащу, я хотел найти нечто характерное только для этого заповедника. И поначалу не смог. Но с каждой новой сотней метров мой глаз стал различать перемены в растительном мире.

В самом названии заповедника — Террасный — есть объяснение: он террасами спускается к Оке, и каждая такая ступенька имеет своих обитателей. Можно, например, проследить, как более северная растительность сменяется типичными представителями центральной зоны. А когда мы выехали на открытую, с редкими деревьями, большую поляну, Алферов сказал:

— Вот вам и степная зона.

Ко многим деревьям были прикреплены небольшие ящики в виде скворечников, только с открывающейся крышкой. Я

В ЗАПОВЕДНОМ ЛЕСУ

спросил, нельзя ли заглянуть внутрь. Мы остановились. Мне стало неловко: ведь я хотел непростенно заглянуть в дом — пусть маленький, но дом. В смущении я все же отодвинул крышку и увидел пять маленьких, чуть сероватых овалов. На передней стенке скворечника был номер 253...

— Это место мы называем «турецкий вал». Вы когда-нибудь видели границу ледника? — спросил Ливерий Афанасьевич. — Ледник толкал перед собой землю, как сверхмощный бульдозер. Ледник давно растаял, земля в виде огромного вала осталась.

Мы прошлись по лесу, обходя бурелом, рассматривая переплетения поваленных стволов.

— Почему не видно животных?

— И не пытайтесь увидеть, — откликнулся Ливерий Афанасьевич. — Сейчас вся живность занята потомством по самым

глухим местам. Другое дело — зубринный питомник.

Но нам не повезло. У зубров был обед, а в это время находиться рядом с животными категорически запрещается. Приказ, когда-то подписанный директором заповедника Алферовым, сейчас прозвучал и в наш адрес. Ливерий Афанасьевич объяснил, что присутствие нового человека беспокоит зубров, и, обладая огромной силой, они могут натворить беды.

Скрываясь от палящих лучей солнца, мы въехали на почти заросшую дорожку. В полумраке леса что-то блеснуло.

— Смотрите, снег! — вскрикнул я, удивленный.

Вокруг закружились миллионы снежинок. Они светились, контрастно выделяясь на зеленом фоне. Снегом оказались семена. Каждое семечко — в пушистой оболочке. Ветер разбрасывает их далеко за пределы заповедника. И вырастет ли из них оди-

нокое дерево или поднимется роща — зависит от нас.

— Часто ко мне приходят молодые люди. «Хочу работать в заповеднике, люблю природу», — Ливерий Афанасьевич улыбнулся воспоминанию. — В прошлом году, осенью, взяли мы одного такого парнишку. Вначале все шло нормально. Но вот похолодало. Приходит он ко мне: «Прикажите, чтобы мне топили печку». «Самому топить надо», — отвечаю. Через неделю этот парень взял расчет: так и не смог обеспечить себя теплом. Жизнь на природе вольна, но имеет свои особенности, сложности...

Я увозил из заповедника лишь сотую долю того, чем живет этот необходимый, полезный человеку мир. Подробнее о нем говорит на четвертой звуковой странице Л. А. Алферов (на фото сверху).

Л. ЛАЗАРЕВ

Фото И. Константинова и автора

Тридцать мальчиков, которых в один из дней поздней осени собрали в зале Царскосельского дворца, конечно же, мечтали о славе. Конечно же, им хотелось, чтобы имена их не канули бесследно в Лету (это слово знал, наверное, каждый из них), чтобы имена повторялись потомками, стали бы известными в их Отечестве (и это слово было знакомо им).

И взрослые люди, бывшие в тот день в том же самом зале, взрослые люди, будущие наставники мальчиков, конечно же, тоже мечтали о славе для своих воспитанников. Только взрослые люди понимали, что имена далеко не всех станут известными, что многих из них ждет забвение через одно, много через два поколения.

Они ошиблись, эти взрослые люди, — ни одно из тридцати имен не забыто до сих пор. Не забыты имена и тех, кто ничего не успел сделать на житейском поприще, кто никаких успехов не достиг, кто умер совсем молодым. Что сказали бы нашему сознанию фамилии Стенев, Мясоедов, Ржевский, Корсаков, если бы во всех именных указателях не стояли бы после каждой из них слова: «лицейский товарищ Пушкина»?

Пушкин сделал их знаменитыми, этих мальчиков.

Ну, а если бы не было Пушкина?

Все равно был бы Горчаков выдающимся дипломатом, Пушкин и Кюхельбекер остались бы в летописях декабристов, Матюшкина поминали бы во всех исследованиях о русских мореплавателях и путешественниках. И все-таки есть слова «лицейский товарищ Пушкина», и они заставляют биться наши сердца. Ведь каждый из них, даже самый незаметный, неинтересный, провел целых 6 лет рядом с Пушкиным. Он видел Пушкина каждый день, говорил с ним и одним из первых во всей России слышал его стихи.

Антон Антонович Дельвиг не только лицейский товарищ Пушкина. Он был другом Пушкина с тех осенних дней 1811 года и до своей смерти. Попросите кого-нибудь из ваших знакомых назвать лицейских друзей Пушкина. Уверен, что первым назовут Дельвига. Может быть, Пушкина, но вслед за ним непременно Дельвига. И они будут правы. Потому что ни один из друзей Пушкина не упоминается так часто в его стихах, как Дельвиг. Перечитаем эти стихи.

«Пирующие студенты». Пушкину 15 лет: «Дай руку, Дельвиг, «Мое завещание». Шестнадцатилетний Пушкин собирается умереть:

Приди, певец мой дорогой,
Воспевший Вакха и Темиру,
Тебе дарю и песнь и лиру...

«19 октября 1825»:

О Дельвиг мой, твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил...

И, наконец, одно из последних стихотворений Пушкина. Дельвига уже нет в живых, и до Черной речки осталось совсем немного дней:

Имнится: очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый...

Пушкин назвал его «мой Дельвиг». Пушкинский Дельвиг. Не только пушкинский. Он был другом Баратынского: «Где ты, беспечный друг, где ты, о Дельвиг мой...»

И Плетнева:

Дельвиг, как бы с нашей ланью
Хорошо в деревне жить.
Под наследственною санью
Липец прадедовский дил.

В концерте вы услышите Четырнадцать симфонию Дмитрия Шостаковича. Одну из ее частей прочтает бас. Начинает словами: «О Дельвиг, Дельвиг...» Это из стихов Кюхельбекера к Дельвику. Они были друзьями.

Так что же, он был всеобщим другом? Нет, этот ленивый, добродушный, беспечный и остроумный человек мог быть и тонким критиком, язвительным и беспощадным. Этот барон с немецкой фамилией, не умеющий говорить по-немецки, был прекрасным знатоком и ценителем немецкой литературы и российской изящной словесности. Недаром так дорожили его советами и Пушкин, и Баратынский, и другие.

Да и недоброжелатели у него, конечно, были. Вот, обиженный замечаниями Дельвига на поэму «Рождение Иоанна Грозного», перестает бывать у него барон Розен. Вот, раскритикованный, отходит от него Подолинский. И, разумеется, тут как тут Фадей Булгарин... Нет, Дельвиг упоминался не только в дружеских посланиях, есть много и эпиграмм на Дельвига, в некоторых из них он представлен под именем «Лентяева». Только в этом пороке могли упрекнуть его. Он был ленивым. Что же, ведь ленив был и Иван Андреевич Крылов (кстати, одно время Крылов и Дельвиг были сослуживцами по императорской публичной библиотеке — вот славно, должно быть, работало им там вместе!).

«Старик Державин нас заметил...» Но не только Державин заметил молодого Пушкина. В числе угадавших гений Пушкина

Профиль Дельвига
набросан
пушкинской рукой...
На седьмой звуковой
странице
нашего журнала —
продолжение рассказа
о поэте.

Жанна Бичевская
исполняет два романа
на его стихи —
«Соловей»
(музыка А. Алябьева)
и «Элегия»
(музыка М. Яковлева).

К 175-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ДАЙ
РУКУ, ДЕЛЬВИГ...

был Дельвиг. Про пятнадцатилетнего поэта он уверенно написал в своих стихах: «Пушкин! Он и в лесах не укроется, Лира выдаст его громким голосом...» Да, он знал толк в российской изящной словесности, лицеист первого выпуска барон Антон Антонович Дельвиг. Один из виднейших поэтов пушкинской плеяды.

Чуть меркнут в сиянии Пушкина эти имена — Баратынский, Вяземский, Дельвиг, Кюхельбекер... Чуть меркнут, но все-таки горят столь ярко, что свет их доходит в наши дни не только до исследователей литературы. Все мы поем или слушаем, как поют: «Ямщик лихой, он встал с полночи...» Это Вяземский. Или «Соловей мой, соловей, голосистый соловей». Это наш Дельвиг.

Откройте томик стихов Дельвига (именно томик — он написал мало: рано умер, да ленив был, вы помните). Вы увидите, что многие из стихотворений называются «Русская песня». Он много написал русских песен, этот барон, не умевший говорить по-немецки, этот выходец из старой русской семьи Красильниковых (мать Дельвига была урожденная Красильникова). Конечно, его песни — это еще не Кольцов, но это уже и не Иван Иванович Дмитриев или Нелединский-Мелецкой.

Итак, друг Пушкина, друг других поэтов и литераторов того времени, поэт, критик. Но он был еще и выдающимся журналистом и организатором.

Альманах Дельвига «Северные цветы» был лучшим русским альманахом, редактируемая им «Литературная газета» имела большое для того времени число подписчиков.

Дельвиг жил почти все время в Петербурге. В 1825 году он женился на дочери «карзамасца» Софье Михайловне Салтыковой. Двоюродный брат Антона Антоновича, А. И. Дельвиг рассказывает в своих мемуарах: «У них были назначены для приема вечера в среду и воскресенье... На этих вечерах говорили по-русски, а не по-французски, как это было тогда принято в обществе. Обработка нашего языка много обязана этим литературным собраниям...»

И давайте привлечем к рассказу о Дельвиге еще одного свидетеля. Имя его — граф Александр Христофорович Бенкендорф. Вот что доносил он о своей беседе с Дельвигом, который был вызван к шефу жандармов как редактор «Литературной газеты»: «Личный мой разговор по сему предмету с бароном Дельвигом и самонадеянный, несколько дерзкий образ его извинений еще более убедил...»

Прервем рассказ начальника Третьего отделения, не будем узнавать, в чем убедился он после встречи с Антоном Антоновичем Дельвигом. Ведь мы увидели еще одну черту в характере этого благодушного ленивца — он не очень-то боялся жандармов.

А теперь вернемся к вечерам в доме Дельвига. «Песни же и романсы пелись непременно каждый вечер», — пишет все тот же А. И. Дельвиг.

Послушаем эти песни и романсы на слова Дельвига на седьмой звуковой странице, положенные на музыку его современниками и исполненные, может быть, примерно так, как пелись они в Петербурге, на Большой Миллионной улице, в доме Эбелинга сто пятьдесят лет назад.

Евг. ХРАМОВ

Впервые мне довелось записать Клавдию Ивановну Шульженко для радио 16 лет назад. С тех пор звукозапись усовершенствовалась, Шульженко осталась прежней. Ничуть не изменилась она в своей работе над песней. Работе, не терпящей малейших недоделок.

Певица эта обладает удивительным, редким даром сделать песню «своей».

Вспомните тридцатые годы: оклеенные дерматином патефоны, со слепящей глаза головкой

ПЕСНЯ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

В ЛАБОРАТОРИИ МУЗЫКАНТА

мембраны, и голос Шульженко. Немало песен записано ею с тех пор на граммофонные диски. Но многие песни после Шульженко не решался «брать» никто. Певица, как говорят журналисты, закрывала тему. Она находила настолько точные интонации, вкладывала в песню такой эмоциональный заряд, что всегда казалось: лучше и нельзя петь.

Сегодня в десятках концертов меняются только фамилии исполнителей, а песни зачастую од-

ни и те же. Объясняется это тем, что исполнитель не находит в песне неповторимое, присущее только ему. Вот и кочует она из уст в уста. Можно спеть так, а можно и по-другому...

С песнями Шульженко такого не бывает. Большинство из них бесспорны и поются только так. Иначе, лучше — и не представляешь.

Не буду перечислять ранние песенные удачи Клавдии Ивановны Шульженко. Вот послед-

ние — «А снег повалится», «Вальс о вальсе»...

В чем же секрет успехов Шульженко? Вероятно, в том, что любое произведение она делает как бы фактом своей биографии: не просто поет написанную кем-то песню, а рассказывает в ней о себе, о своих переживаниях. На восьмой звуковой странице певица размышляет о работе над песней.

Валентин СКОРЯТИН,
специальный корреспондент
«Кругозора»

ВАЛЕРИЙ ТОПОРКОВ, формовщик
— Но пасаран! Но пасаран!

Вскинут — на уровне виска — крепко
сжаты кулак:

— Они не пройдут! Но пасаран!

Умирали русские парни в небе Мадрида,
сражались против фашизма. Прочертил
огненный факел небо Сталинграда —
юный испанец Рубен Ибаррури отдал
жизнь, сражаясь против фашизма..

Валерий Топорков живет в Свердловске.
(«Никогда раньше не пел. Закончил де-
вятый класс, приехал из села Грязнов-
ского в Свердловск. Хотел поступить в
театральный институт. Не решился, по-
думал: мое ли это дело!»)

На сцене он импульсивный, вырази-
тельный певец, едва сдерживающий кло-
чущую внутри энергию. А в разговоре
Валерий Топорков больше слушает, чем

говорит. И жена его Галя — телезрите-
ли помнят, как шагнула в середине пес-
ни к Валерию из глубины сцены соломен-
новолосая женщина, и зазвучало сопра-
но вместе с баритоном, — так вот, и Га-
ля не очень словоохотлива. («Валера по-
шел в техникум, работал формовщиком
на заводе. И все не пел, только в армии
попробовал. Получилось. Вернулся на
завод, пришел к нам в ДК, приняли. А
я там пела с основания ансамбля.»)

В эстрадном коллективе Дома культуры
имени Горького в Свердловске родилась
их семья. Он служил в Москве и в этот
приезд был Гале экскурсоводом на пра-
вах старожила..

На девятой звуковой странице Валерий
Топорков исполняет песню лауреата пре-
мии Свердловского обкома комсомола
В. Бибергана «Но пасаран!»

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

*На примере конкурса «Молодые голоса» заметно стрем-
ление советской молодежи из различных республик и
областей страны к повышению своей музыкальной куль-
туры. Очень приятно, что большинство юношей и деву-
шек выбрали для исполнения на конкурсе песни граждан-
ского и патриотического содержания, песни, воспе-
вающие трудовые свершения советских людей.*

Тихон Хренников

«СЕРПАНТИН» — дорожники

Как бы вы назвали дорогу, которая на протяжении тринадцати километров
имеет четырнадцать крутых поворотов? Естественно, серпантин. «Серпан-
тинный» почти все дороги горной Армении. Поэтому ничего удивительного,
что вокально-инструментальный ансамбль, в котором инженер-дорожник
Сурен Шекоян играет на фортепиано и органе, начальник геологической
партии Дереник Айрапетян — на электрогитаре, техник-дорожник Вару-
жан Бабян — на ударных инструментах, где солисты Гаяне Дондарова и
Роберт Касабян — чертежница и старший лаборант Министерства строи-
тельства и эксплуатации автодорог Армянской ССР, взял себе имя «Серпан-
тин».

Правда, в этом можно увидеть и нечто парадоксальное. Ведь все участни-
ки ансамбля — как дорожники — заняты в основном тем, чтобы ликви-
дировать усложненность горных дорог. Например, те четырнадцать поворотов,
о которых шла уже речь и которые находятся на пути от знаменитого озе-
ра Севан до не менее известного курортного центра Дилиджана, они на-
мерены заменить туннелем: две минуты пути вместо часа трудной езды
через перевал. Ну, а серпантин между Ереваном и Севаном практически
уже ликвидирован. Тридцать или сорок минут — и вы у высокогорного
озера. Конечно, если ваша цель — Севан. Ансамбль же «Серпантин» де-
лает на своем пути обычно много остановок, выступая перед строителя-
ми Раздана, перед виноградарями в открытом поле.

В репертуаре ансамбля — песни всех республик нашей страны. Но на кон-
курсе «Молодые голоса» они спели армянскую песню «Гарун» — «Весна»
Мелика Мависакояна, записанную на десятой звуковой странице.

ИРИНА НАЗАРОВА, преподаватель

— Я всегда волнуюсь перед концертом. Ведь каждое выступление — экзамен. А заключительный конкурс — как экзамен на аттестат зрелости... Я начала выступать в самодеятельности с первого класса. А в этом году на фестивале песни в Горьком — это была радость! — получила диплом первой степени и путевку в Москву. Приехала я из рабочего поселка Пильна, Горьковской области. Там работаю преподавателем в музыкальной школе, а в свободное время — его бывает не так уж много — пою на сцене нашего поселкового Дома культуры. Больше люблю лирические песни, и слушать их и петь. Поэтому, наверное, в моем репертуаре в основном песни о любви, лирические. Я преподаю ребятишкам в музыкальной школе сольфеджио, а хотела бы стать преподавателем вокала. Но для этого нужно поступить в консерваторию. Консерватория — это самая моя заветная мечта! Ну, а сейчас я больше всего хочу, чтобы заключительный концерт конкурса прошел успешно и чтобы я не провалилась...

Теперь, когда конкурс «Молодые голоса» уже позади, можно сказать, что волнения горьковчанки Ирины Назаровой были напрасны: она успешно выступила, стала лауреатом. На десятой звуковой странице вы можете послушать песню О. Фельцмана «Возвращение романса», которую Ирина Назарова пела перед миллионами телезрителей.

Фото
Д. Лесных

10

«ФАЗИС» — студенты

— Вы знаете, Уча плохо говорит. Он прекрасно играет на флейте. Но говорит плохо. Говорить буду за него я. Фамилия Учи — Кордзая. И, собственно, почему он стал играть на флейте? Нет, все-таки скажи сам

— Папа мой любил играть дома на свирели. Я тоже. А свирель немножко похожа на флейту. Ну, вот и все, Важа Акабардия может продолжать. Он у нас бас-гитара.

— Кстати, флейтистом собрался у нас быть Саша Купарадзе, наш трубач. Я не знаю, Саша, что там произошло?

— Просто на складе не было флейты, а была труба, но теперь я привязался к трубе и не жалею. Пожалел однажды о том, что забыл дома мундштук от нее, шел концерт, я сыграл одну вещь без мундштука, потом кинулся на такси домой и прилетел с ним обратно.

— Но вообще он у нас очень пунктуальный. Собственно, все мы должны быть пунктуальными, потому что пение — дело точное, музыка — тоже, и вступать голосом и инструментом надо вовремя. У нас прав-

да, есть в ансамбле собственный хронометр — Сергей Шаламберидзе, ударник. Подождите, где же он! Сергей, расскажи, что нужно ударнику.

— Ритм надо иметь в крови, иначе ничего не получится. У нас очень причудливый бывает ритм. Та-та-да-рам, та-да-бум-та-па-дам-да-дам... И не обязательно бурный. В самых медленных наших песнях есть такой размер. Ну, например, любимое — «Шен хар венахи». Как это перевести? А-а, вот наш руководитель, запишите — Борис Шхиян, соло на гитаре и гобой. Так как это перевести, Борис?

— Речь идет о лозе: «Ты, лоза виноградная...» Вы слышали ее в фильме «Отец солдата». Вот какие наши напевы мы исполняем. И советские песни и классику нашу — также.. Не забудьте Игоря Мельникова, на-

шего тромбониста, Петра Ларина, сакс-тенора... А куда делься Демур Зосиашвили? Это наш органист. И еще Сосо...

— Фамилия моя Кицмаришвили. Я пою. Нет, еще есть певец — познакомьтесь: Виктор Абусевидзе. Между прочим, бывший футболист.

— Дело прошлое, я был пятеркой в тбилисском «Динамо». Но теперь люблю не «поле», а городской лес Сагорию, где мы все собираемся, возле нашего политехнического. Да, Уча?

— И еще улицу Церетели. Там наше музыкальное училище. Понимаете, половина нас — из политехнического, половина — из музыкального. Еще любим берег Риони. Почему «Фазис»? Так это же и есть Риони, только древнее ее название... На девятой звуковой странице «Фазис» исполняет народную песню «Медина».

ВЕСНОЙ

По реке ходила ознобистая низовка. На бугре, освищенный ветром, стоял Бабкин и думал о том, какой он несчастный человек. «Бабкин! — кричат ему в клубе ребята. — Как твоя тетка поживает?» И незнакомая красавица, танцующая с ним, вдруг фыркает: «Бабкин! Тетка? Это которая пестрого борова купила!» «Которая в клубе пьяного шофера отлупила! — радостно подкажут услужливые. — Которая лошадь напугала! Которая все из совхоза тащит!»

И пойдет Бабкин, волоча тяжелые ноги. Иных встречают по одежке, других — по речам, а его — по теткинм громким делам. Что ни натворит в совхозе звонко-голосая его тетка, худая слава ее бежит впереди племянника: «Бабкин? Это у которого тетка?..» И распливаются лица, блестят весело глаза!..

На бугор пришли два деда и скрипуче заспорили: дойдет ли вода до паперти? Перебивая один другого, они уточняли одна тыща девятьсот тот самый год, когда половодье заливало церковное крыльцо. И по сей день стоит возле обомшелых ступенек каменный столб с зарубкой.

В зарубку мало кто верит. Молодым не до дедовских сказок. Они пашут свои пески, сеют хлеб, выращивают капусту и морковку. Зимой, собравшись с духом, они отгрохали четыре теплицы. Новенькие, с иголки, встали хрустальные дворцы на высоком берегу, на зависть районным соседям. Солнечным днем их крыши сверкают, а вечером гуляют по ним багровое закатное пламя. Чужие, незнакомые люди, проезжая по центральной усадьбе, останавливают машины, вылезают, смотрят.

— Красота!

Подходят к ним местные, застенчиво хвалятся:

— Сами построили. Вот этими, собственными.

В совхозе уже прикидывали, когда вывезут на рынок первый золотой огурчик, уже директор грозился: «Я и цветочки, гвоздички разведу!» Но вдруг во все планы вмешалась река.

Своя, свойская речка, привычная, незаметная летом, сейчас, раздобрив на вольных ручьях, поднялась и пошла.

Обычно, захлестнув ближнее капустное поле, она бессильно останавливалась у корней старой ветлы, но теперь залила парники и колючей шугой застучала в стеклянные стены теплиц.

— Ага! — торжествующе сказал один дед на бугре другому деду. — Что я тебе толковал?! Дойдет!

Бабкин и Павлуня увидели, как вода захлестывает теплицы.

— Бежим! — приказал Бабкин брату.

Подбегая к центральной усадьбе, ребята повстречали школьников с лопатами, воспитателей детского комбината с носилками, пенсионеров, поваров, врачей. Все спешили к теплицам. Туда же, грохоча и звеня, катили машины и тракторы.

— Бабкин! — закричали из толпы. — Бегом к директору!

— Трактор дает! — звонко добавил девичий голос, и Бабкин хмуро остановился.

— Иди. — подпихнул его братец Павлуня. — Может быть, все-таки... Кто знает.

Владимир
ЛЕОНОВ

МИША БАБКИН ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ

Из повести «Хозяин морковного поля»

В кабинете директора то же зная с кистями, тот же ковер и те же сувениры, только пропала тишина, разлетелась к шутам солидность. Сам директор не в кресле, ходит от дивана к окну. Увидев Бабкина, поймал его за руку, подтащил к столу и, хватая то карандаш, то бумагу, торопливо заговорил:

— Иван Петров руку сломал. А надо камень возить. Давай, Бабкин, на трактор! Бегом давай!

Бабкин задохнулся, однако быстро пришел в себя и строго ответил директору:

— Я готов.

Он повернулся к двери.

— Постой! — впервые в жизни испугался старый солдат и железный директор Ефим Борисович Громов. — Погоди-ка, Бабкин.

Он постоял с минуту, помаялся руками, нашарил среди карандашей и бумажек красный огрызок, сломал его, бросил и махнул рукой:

— Ладно! Будь что будет! Лети, Бабкин! Чужая машина, что чужая душа, — потемки. Иван Петров повесил на апельсин-

новую кабину ржавый замок, спрятал старые гаечные ключи, убрал куда-то мягое ведерко.

— Чего копаешься, Бабкин! — шумел главный инженер. — Там теплицы гибнут, а ты копаешься! Действуй!

Бабкин сбил замок, отыскал в углу лопату, дырявое ведерко, но гаечных ключей нигде не было — поехал так.

Целый день он работал: подвозил на прицеле землю, щебенку, съездив за камнем, а под вечер ему приказали:

— Дуй, товарищ Бабкин, на климовскую ферму. Надо молодняк вывезить...

Это самое слово «товарищ» было сказано совсем серьезно, и Бабкин в ответ молча, торжественно качнув головой из горячей кабины и поехал.

ЛЕТОМ

...На рассвете, когда тени еще не выросли и ходят за людьми бледные, сонные, у механического цеха собирался на воскресник неразговорчивый народ. Они смотрели на парное молоко, разлитое над невидимой речкой, на розовое небо за кустами, на солнце, которого еще не было, но рождение которого угадывалось уже по этому пару, по тихому туману, по теплу. Они смотрели на голубую тяжелую траву и просыпались, веселели.

— Хороша! — говорит кто-то про траву, осыпая с нее ладонью росу. — Эх, хороша уродилась в этом году!

Трава и в самом деле хороша на берегу реки. Но взять ее можно не косилкой, как на ровном лугу, а только косой — кругом вон какие ямы да бугры.

Кто-то из самых нетерпеливых да молодых, вжикнув косой, кладет первый валок. Это все равно, что за столом, не ожидая всех, отломать кусок пирога, испортить его... Поэтому со всех сторон на смелого шумят:

— Не балуй! Вперед не лезь! — И обращаются к Лешахиче: — Становись-ка, Настасья Петровна!

Бабкин вдруг вспомнил отца. К нему вот так же, как теперь к Лешахиче, подбегали с косами — хорошо ли отбиты, как насажены. И тоже только уважительно, по имени-отчеству, просили начать трудный первый ряд в густой, переплетенной душистым горошком траве. И он, насупив брови, вставал у самого буйного края —

невысокий и крепкий, как Бабкин. На боку у него, словно в ножнах, — оселок. И коса и точильный брусок у отца были свои, давние, никому он их не доверял.

— Бабкин, уснул!

Парень вздрагивает и, хромая, спешит занять свое место в ряду косарей.

— Нога не болит? — спрашивает его Лешахича.

— Ничего, — отвечает Бабкин.

Теперь ни одна сила не заставит его выйти из этой красивой, дружной работы, которую он любит и всегда ждет с нетерпением. Да не только он. Встал с косой и Павлуня, рабочий человек, и другие, заводские, опустив косы, жадно глотают чистые запахи. С граблями — девчата, среди них стоит тихая, молчаливая Татьяна Чижик.

— Ну, поехали, что-ли? — подает голос директор.

Его, как не очень умелого да растопившего, поставили в ряд к пацанам, и те теперь очень хитро на него поглядывают.

Рисунок
М. Ронадина

— Все встали! — оглядывается Лешахича.

Никто, ни один человек не осмеливается спорить сейчас с ней, первым косарем совхоза. Даже директор поспевает про себя да утирает густой пот.

— Пошли! — говорит Лешахича и плечом делает первый взмах. Вроде бы не сильно она размахнулась и косу пустила саму по себе, а трава с тихим шелестом, почти на уронив росы, легла к ее ногам широким полукругом. Пошли! И такой же свистящий, размахистый полукруг повторяют другие опытные косари. Легко позванивают косы, грустно падают головки беленких да желтеньких цветов, сердито гудит потревоженный тяжелый, мокрый шмель. И Бабкин забывает все на свете, даже боль в ноге, в свежей ране.

Люди, постепенно разгораясь, идут за Лешахичей. Лица их серьезные, губы сжаты. Лодыри и работающие, трезвые и забулдыги, добрые и злые, они сейчас одинаково захвачены косбой. Деревенские, привыкшие, они быстро подлаживают друг под друга не только взмахи, но и ды-

хание. Позванивают косы, шелестит покорная срезанная трава, складно идут косари, словно песню поют.

— Эх, размахнись рука, разудись плечо! — раздался вдруг веселый, бесшабашный крик.

Люди, не прерывая работы, недовольно оглянулись: кто это там не знает, что шуметь нельзя, не положено? Это механик. Подмигнув Чижик и балагурия с девчатами, свистял с машины тупую косу и, крикнув, засадил ее в землю.

Люди не засмеялись, не посмотрели — некогда. Механик хотел было пристроиться в ряд косарей — выгнали, чтобы траву не мял, не поганил. Тогда он пошел с граблями к Чижик.

— Помощники требуются?

— Зачем пришел? — недовольно и тихо спросила девушка.

— Чего жениха гонишь? — звонко спросил кто-то из девчат.

— Какой он мне жених?! — вырвалась у Чижик, но тут же она закусила губу и больше не сказала ни слова, не поглядела на механика, с которым еще вчера сидела рядышком за столом. Бабкин глазам своим не верил.

Механик еще повертелся возле народа, пошумел да и растворился тихонько в тумане. Никто этого не заметил, только Бабкин с Павлуней проводили его взглядом.

Когда солнце припекло и высохла роса, люди, крепко обтерев косы травой, положили их, а сами улеглись в тени кустов. Над ними плыли облака. Все молчали, и это молчание, как и усталость, тоже было общим, благодарным.

Среди покоса там и сям высипались островки буйной зелени. Качались метелки конского щавеля. Это оставили птичьи гнезда да еще прикрыли сверху желторотых птенцов, чтобы солнце не сожгло. На ветках пищали встревоженные родители.

— Болит нога? — спрашивает Лешахича.

— Болит... мамал...

— Ничего, — лукаво косится на Чижик хитрая старуха. — Нога пусть болит, зато сердце успокоится.

— Успокоится, — вздыхает Бабкин и ладонью пытается удержать гулкое сердце — кажется, что слышат его удары все вокруг. Лешахича, чудесным образом помолодевшая от веселой работы, загорелая, смотрит на Бабкина и смеется. Чижик в сторонке грызет травинку...

Когда народный артист РСФСР Евгений Леонов появляется на сцене или экране, мы улыбаемся ему навстречу. Когда он уходит, мы улыбаемся ему вслед.

А он в это время играет серьезные роли или думает о серьезных вещах.

В частности, о том, что в современном театре актер должен быть личностью. Он должен уметь передать в зрительный зал свой жизненный опыт и нравственный идеал.

Зрителя меньше интересуют достижения сценической техники; его интересует современный человек — каким он оживает в образах классики, каким он существует в пьесах о нашем сегодняшнем дне. Значит, и в отдельно взятой роли и во всей совокупности ролей каждый актер должен по-своему воссоздавать этот образ. И не бояться узнаваемости: если его как человека в данной роли не узнают, то что же тогда будет обеспечивать ее достоверность?

Когда Евгений Леонов еще только начинал свой путь в искусстве, его узнавали больше по внешним приметам. По его словам, он играл тогда «милых увальней и милых педотет».

— Всем казалось, что раз я толстый, маленький, то, значит, вроде бы и смешной, — рассказывает Леонов об этом, уже далеко в прошлом, и в интонации его слышится обида за всю ту невысокую, плотную, коренастую часть рода человеческого, которой люди худощавые и рослые отказывают почему-то в праве переживать и играть трагическое. Но после окончания в 1947 году театральной студии Е. Леонов попал в Московский драматический театр имени Станиславского, к народному артисту СССР М. Яншину.

— Он относился ко мне серьезнее, чем я

к самому себе, — так вспоминает Евгений Леонов своего учителя.

В этом театре он и сыграл первые свои «не смешные» роли, в частности роль царя Креона в «Антигоне» Ануя. Креон в исполнении Леонова был вовсе не лишен доброты, но свою племянницу Антигону, нарушившую законы страны, он не мог ни простить, ни понять, хотя сам страдал от этого. Получился сложный, драматический образ. Однако в кино, где Леонов снимался параллельно, его еще долго числили по разря-

КОММЕНТАРИЙ К РОЛЯМ АРТИСТА

оставаться самим собой

Пятая звуковая страница:
Евгений Леонов о своих ролях и о себе.

Фото Л. Лазарева

ду артистов на комические роли. Первой «серьезной», даже трагической ролью Евгения Леонова в кино была роль Якова Шебалка в фильме «Донская повесть» по Шолохову.

Но какие бы роли ни играл Евгений Леонов, улыбка зрителя неизменно сопутствовала ему. Правда, теперь это была совсем не та улыбка, которую много лет назад вызвала удачная работа молодого артиста в роли Лопеса из комедии «День чудесных обманов». Теперь улыбка удовольствия от встречи с любимым артистом стала просто приветственной: ее тут же сменяет внимание к сложным образам, которые он создает.

Лирический герой Евгения Леонова, образ, осязаемый почти во всех его ролях последних десяти лет, — это образ «простого» человека. Но «иростой» человек Леонова совсем не так уж прост: он человек сложного характера в таких непохожих воплощениях, как старик Ванюшин из пьесы Найденова «Дети Ванюшина» и Санчо Панса из мюзикла «Человек из Ламанчи». Поэтому Е. Леонов с одинаковым успехом мог создать образ мудрого, скептического ученого и тихого, незаметного слесаря-газовщика, оказавшегося подлинным героем.

Вот Леонов — Санчо Панса из музыкального спектакля в Театре имени Маяковского; он уверен в своем жизненном опыте, но хочет понять и загадочные для него поступки своего друга и господина Дон Кихота. Он словно чувствует себя виноватым, что не может ни его переубедить, ни объяснить другим, за что он так любит чудаковатого рыцаря.

В произведении совсем другого жанра — в кинокомедии «Большая перемена» Е. Леонов исполняет роль Леднева, пожилого рабочего, который учится в девятом классе вечерней школы вместе со своей дочерью. Возникает комическая ситуация: дочка не хочет учиться с отцом в одном классе. Но Леднев — Леонов стоит на своем. Есть люди, которые «стоят на своем» шумливо и громко. Леднев Леонова, как и его Санчо Панса, «стоит на своем» непоколебимо и тихо. Лирический герой Леонова умеет внешне смириться перед фактом, перед тем обстоятельством, что его не понимают, но от своего он не отступает.

И мы, сидящие в зрительном зале, верим его правоте. Верим его улыбке, немного смущенной, как бы извиняющейся, всегда доброжелательной и потому обескураживающей. Его глуховатому голосу, в котором звучат ноты трогательного простодушия, недоумения и особой, какой-то очень характерной для него грусти и в то же время непоколебимой уверенности в чем-то своем. Его сдержанным, но свободным жестам — Леонов, когда нужно, бывает локон и проворен, но обычно он держится так, чтобы не обращать на себя внимания.

Не потому ли лирический герой Леонова вызывает такое доверие к себе, что в нем, кроме собственно актерского мастерства, живет чисто человеческая достоверность? Доброта, высокий нравственный идеал — это свойства уже самой личности артиста, которая и влияет на нас через его игру.

Лирический герой Евгения Леонова живет в состоянии доброты сердечной, простоты душевной, но той высокой простоты, о которой поэт сказал, что она «всего нужнее людям».

Ю. АЙХЕНВАЛЬД

Представьте огромный зрительный зал в Лондоне. Эстрадный спектакль столь интересен, что публика даже не замечает, как стрелки часов подходят к полнучи. И совершенно неожиданно из партера выскакивает маленькая девочка (ей давным-давно пора спать!) и мчится на сцену, а за ней вдогонку спешит женщина, видимо, ее мать. Девочка заявляет, что теперь будет выступать она и споет арию Миньон из оперы Тома...

Все это не выдумка, именно так был поставлен и отлично отрепетирован выходной дебютный номер двенадцатилетней английской актрисы. Режиссер заболелся не только об эффект-

МУЗЫКА КИНО

ВВЕРХ ПО НОТНЫМ ЛИНЕЙКАМ

ной театральной ситуации, но также и о том, чтобы его не оштрафовали: в Англии категорически запрещено занимать в вечерних спектаклях молодежь до 15 лет (однако посещать вечером театры детям отнюдь не возбраняется).

А теперь мы добавим: вы знаете актрису, которая выросла из той смелой девочки, — это Джулия Эндрюс, сыгравшая главную роль в фильме «Звуки музыки».

Что же дал ей необычный дебют? Джулия отлично справлялась со своей ролью, хорошо пела арии, имела успех у публики. А спустя несколько лет девушка стала популярнейшей актрисой Британского радио и телевидения.

В 18 лет Джулия получила ангажемент в США, где пела с Бингом Кросби, а затем на Бродвее, в театрах музыкальной

комедии. Здесь Эндрюс сыграла роль Элизы Дулитл в мюзикле Фредерика Лоу «Моя прекрасная леди» по пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион». Эту роль она исполняла более трех лет (сначала в Америке, потом в Лондоне, в Театре Дрюри Лейн) и все-таки на прощальном, 1500-м, представлении сказала журналистам: «Мне кажется, что я не до конца использовала возможности этой роли».

Джулия Эндрюс много и успешно снималась в кино. За роль Мэри Поппинс в одноименном фильме актриса получила главный приз американского кинематографа — премию Оскара...

Композитор фильма «Звуки музыки» Ричард Чарльз Роджерс написал свою первую музыкальную комедию в 1917 году, когда ему было всего 15 лет. Однако в отличие от Джулии Эндрюс дебют не принес ему славы. Он стал известным значительно позднее, когда в 1943 году написал мюзикл «Южный Пасифик», затем «Оклахому», «Карусель» и, наконец, в 1959 году — «Звуки музыки».

Е. ТАРХАНОВА

Д. Эндрюс поет на одиннадцатой звуковой странице «Звуки музыки», «Урок в школе», а ее партнер по фильму Кристофер Пламмер — песню «Эдельвейс».

слушайте

в

номере

9 (114) сентябрь 1973
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

1. **Мгновение подвига.** История трех жизней.
2. **«Как пульс, их молоты стучат...»** Песня-репортаж о кузнецах Уралмаша.
3. **Академик В. В. Виноградов:** «Берегите родной язык!»
4. **Дорога в детство.** Монолог, записанный в лесу.
5. **Евгений Леонов в театре и кино.**
6. **Леонид Коган (СССР), Карл Рихтер (ФРГ):** новая запись.
7. **На стихи Дельвига.** Поет Жанна Бичевская.
8. **Клавдия Шульженко:** рассказ об одной песне.
- 9—10. **«Молодые голоса»**. Валерий Топорков (Свердловск), «Фазис» (Кутаиси), Ирина Назарова (Горький), «Сerpантин» (Ереван).
11. **Джулия Эндрюс и Кристофер Пламмер (Англия)** в фильме «Звуки музыки».
12. **Энди Вильямс (США):** «Мечтать о невозможном» — из музыки М. Ли к кинофильму «Человек из Ламанчи» и «Милая» Б. Расселла.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания и звукозаписи.

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1973 г.

На первой странице
обложки:
**«В мире профессий.
Музыканты».**
Художник
М. Ромадин

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Техн. редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сдано в набор
27 VII 1973 г.
Б 04518. Подп. к печ.
10 VIII 1973 г.
Формат 60 × 84 1/12
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 450 000 экз.
Зак. 949. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина
125865. Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24.

Пишите нам по адресу:
113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор»
Телефоны редакции:
263-49-92, 263-24-40

весной 1973 года в течение двух вечеров в Большом зале консерватории исполнялись все шесть сонат Баха для скрипки и чембало. Оригинальное название этих сонат несколько иное, и, быть может, в программе стоило поместить его, ибо даже лексикой своей оно ввело бы слушателя в двадцатые годы восемнадцатого века. Итак, это «Шесть сонат для концертирующего чембало и скрипки соло, с басовым сопровождением виолы да гамба по желанию. Сочинение Иог. Себ. Баха».

Сонаты были написаны в маленьком Кётене. Композитор не переехал туда из Веймара, а просто бежал. Бежал от произвола, от тупости, от равнодушия, от оскорбительной манеры обращения, столь свойственной герцогу Веймарскому Вильгельму Эрнсту. Когда Бах попросил отставки, герцог просто посадил его в тюрьму и продержал там чуть ли не месяц. Стоит привести запись об этом: «Шестого ноября концертмейстер и придворный органист Бах был арестован в судебнопольцейском управлении, потому что он упрямо настаивал на увольнении; в конце концов 2 декабря в соответствии с его поведением он был объявлен опальным, освобожден от должности и отпущен на свободу».

И вот другой город, другой герцог — более милостивый и снисходительный, более музыкальный на первый взгляд — Леопольд. Шесть кётенских лет — с 1717 года по 1723 год — в общем, несмотря на резкую и жестокую перемену в семейной жизни Баха (смерть первой жены, Марии Барбары, и женитьба на дочери придворного и войскового трубача Анне Магдалене Вьюльскен), эти шесть лет в творческом отношении — счастливейшая пора его мощной, равномерной, неутомимой, изумляющей работы. Масса инструментальной музыки — 16 концертов для клавесина и оркестра, 2 увертюры, 25 сонат для скрипки, флейты, клавесина, оркестровые сюиты, «Бранденбургские концерты», органнне сочинения. Наконец, альфа и омега его клавирного творчества — «Нотная тетрадь Анны Магдалены» и «Хорошо темперированный клавесин», знакомые уже почти в течение полутора лет ученику любой музыкальной школы в мире. Вот в какой «золотой» перечень входят шесть упомянутых сонат для клавичембало и скрипки.

В марте 1973 года клавичембало, изготовленное по оригинальным моделям эпохи Баха, было привезено в Москву специально для концерта. Место за ним занял один из выдающихся современных интерпретаторов Баха — дирижер, органист

СТРАНИЦЫ КЛАССИКИ для клавичембало и скрипки

Премьера в Москве

и клавесинист Карл Рихтер из ФРГ. Партию скрипки исполнил лауреат Ленинской премии, народный артист СССР профессор Леонид Коган. После исполнения репортер «Кругозора» Артем Гальперин обратился к Рихтеру и Когану с просьбой прокомментировать эту совместную их работу.

— Оставил ли Бах какие-либо указания исполнительского характера, относящиеся к сонатам для кембало и скрипки? Если нет, то существует ли определенная традиция, восходящая к началу XVIII века?

Карл Рихтер: — Единственное, что нам известно, — это приблизительное звучание инструментов баховского времени. Например, мы знаем, что тогда скрипачи употребляли особого вида смычок. Звук кембало остался, само собой, неизменным. Если вы слышали оба инструмента, то можете представить себе общую картину звучания. Как мог Бах играть свои сонаты? Ведь записей «протокольного плана» нет никаких. Но интерпретация менялась от столетия к столетию. Точно так же, как и стиль композиции. И поэтому я с большой долей вероятности полагаю, что двести лет назад музыка исполнялась иначе, нежели сто лет назад, и сегодня Бах звучит иначе, нежели в 1900 году.

Леонид Коган: — По поводу исполняемой музыки у Баха вообще очень мало указаний. Они в основном сводятся к очень редким нюансам — пиано или форте. Темповых указаний нет вообще. Вы никогда не встретите у Баха пометок «аччелерандо» (ускоряя) или «ритардандо» (замедляя). Ему это как-то не было свойственно. Все указания и расшифровки баховских текстов сделаны гораздо позднее редакторами его сочинений. Смычок действительно был другой. Трость его изгибалась в виде дуги, и натяжение волоса регулировалось одним из пальцев правой руки. Можно было брать четырехголосные аккорды, как на рояле. Что касается силы звука скрипки, то в XX веке наш инструмент звучит сильнее, чем в эпоху Баха.

— Можете ли вы предположить, каков был характер игры самого Баха, исходя из общего облика его музыки, его творческого гения, характера наконец...

Леонид Коган: — Мне трудно судить, как-то не попадались данные об этом. Известно, что он был превосходным органистом, клавесинистом (мы говорим иногда: кембалистом), он играл и на скрипке. Но ставить игру в зависимость от характера я не стал бы.

Карл Рихтер: — Думаю, что Бах должен был играть очень эмоционально. Он был виртуозом и гениальным импровизатором, поэтому нелегко представить себе, что его исполнительская манера была в какой-то степени академична...

— Стремился ли вы к известному рода объективности во время вашего совместного исполнения? Руководствовались ли скорее стремлением придерживаться оригинала или желанием в известной степени отойти от него?

Карл Рихтер: — Это вообще и сложный и спорный вопрос. Объективно или не объективно я играю? Но этот вопрос — не основной. Я играю Баха так, как я его чувствую. Я знаю инструменты времени Баха — орган, кембало, и эти инструменты учат нас сами, как играть. Кембало заставляет меня ударять по клавишам совершенно по-иному, чем это повелевает рояль, не так ли?

Леонид Коган: — Наше исполнение, разумеется, принадлежит времени, в которое мы живем. Но было сделано все возможное, чтобы все-таки приблизиться к тому, что считается оригиналом. Мы играли с Карлом Рихтером по этому оригиналу, то есть по изданию, выпущенному Баховским обществом в середине прошлого века. Стало быть, мы старались отнестись с максимальной бережностью к тексту Баха, восстановить все украшения, все нюансы, помещенные в соответствующем томе «Бах-гезельшафт».

— Ваше отношение к личности Баха, его творчеству в целом либо к какому-то одному определенному моменту? Словом, ваше общее восприятие Баха?

Леонид Коган: — Для меня музыка Баха всегда была проявлением гения титанической мощи. Все грани этого гения сверкают с ослепительной яркостью. Но когда играешь его, все-таки сердцем, духом, мыслью приобщаешься именно к музыке его, к чувствам, история же его жизни отходит в тень...

Карл Рихтер: — Этих «впечатлений» от Баха в моей душе великое множество, и мне трудно сказать, какое из них глубже, сильнее. Быть может, сама его смерть посреди создания «Искусства фуги»? Гибель на вершине... Вот достойный героический апофеоз.

Перед тем как на шестой звуковой странице исполнить ларго (сицилиано) и аллегро из 4 сонаты для клавичембало и скрипки Баха, Леонид Коган и Карл Рихтер говорят о самом жанре этих сонат...

ЭНДИ
ВИЛЬЯМС

Цена 1 руб.

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

По просьбам читателей

США

12

35 лет на эстраде... Прочитав такое сообщение рядом с именем Энди Вильямса, вы можете заподозрить ошибку. Ведь известному американскому эстраднему певцу недавно исполнилось сорок три года. Как может он иметь столь большой стаж? Оказывается, может: Энди начал профессионально выступать с восьми лет. Вместе со своими старшими братьями — Ричардом, Робертом и Доналдом — он получил тогда, в 1938 году, приглашение выступить по радио города Деймона, штата Огайо. Так родился квартет «Братья Вильямсы».

Временно расставшись в начале сороковых годов, когда старшие братья ушли в армию, квартет вновь собрался в 1947 году и пользовался весьма значительным успехом еще лет шесть. Потом нути братьев разошлись. Двухлетнелний Энди решил попытать счастье в одиночку. Записав свою сольную песню в 1954 году, он сузил пластинку под мышку и поехал в Нью-Йорк. Его дебют на телевидении был успешным. С тех пор Энди Вильямс стал обладателем шестнадцати «золотых дисков» — наград, вручаемых за каждую пластинку, разошедшуюся тиражом в миллион экземпляров.

Вильямс упорно отказывается петь модные однодневки, даже очень популярный в США рокк. Почему? «Да потому, что гнаться за модой так же бесполезно, как догонять горизонт». Постоянство репертуара играет не последнюю роль в успехе Энди Вильямса. Но не менее важен и другой момент: готовясь к еженедельному часовому выступлению по телевидению, певец репетирует по восемь часов ежедневно, кроме воскресенья.

Итак, талант, опыт и трудолюбие — вот три составных устойчивой популярности Вильямса уже более трех десятков лет.

В ПОЗНЕР